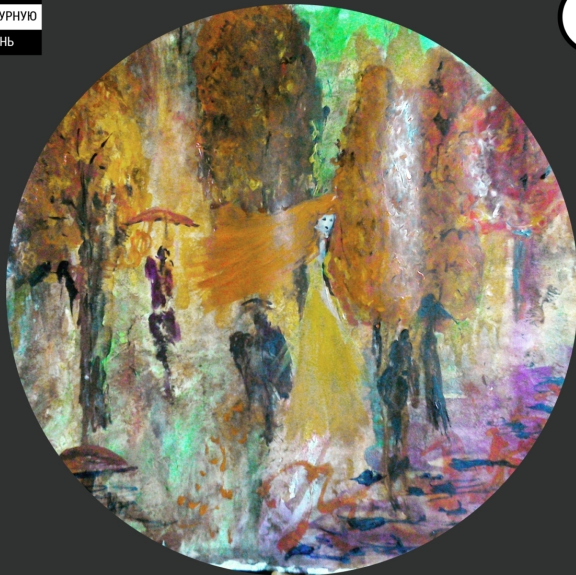

Ирина Критская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Инфекция

Ирина Критская

Инфекция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67250432

SelfPub; 2022

Аннотация

Мир охватила страх и паника – неизлечимая Инфекция убивает людей и нет спасения. Лидия, покинув больницу в которой лежала на плановом лечении своего хронического заболевания, понимает, что ее жизнь покатилась под откос, и даже самый близкий человек предал ее, завел любовницу. В полном отчаянье она пытается как-то наладить свою жизнь в этом новом черном мире, но ...Инфекция настигает и ее. И когда женщина уже приготовилась к смерти и смирилась с ней – случается чудо – ее спасают. Вот только цена спасения очень велика – теперь ее тело будут использовать, как тело дойной коровы, производящей ценный исцеляющий продукт – в целях обогащения. И теперь ее жизнь и ее любовь – игрушка в чьих-то беспощадных руках

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Выписка	4
Глава 2. Магазин	9
Глава 3. Жар	13
Глава 4. Леша	16
Глава 5. Калембаса	19
Глава 6. Госпиталь	22
Глава 7. Контейнер	25
Глава 8. Элита	29
Глава 9. Прощание	33
Глава 10. Отъезд	37
Глава 11. Новый дом	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Критская

Инфекция

Глава 1. Выписка

Немолодой грузный доктор смотрел строго. Я его еще не видела в нашей больнице, то ли редко дежурит, то ли новенький. А уж я-то завсегда, несмотря на свои недопятьдесят – и онкология, слава Богу в прошлом, и вот теперь – аритмия. Да еще какая – так и не восстановили.

– Вы, дама...

Он отвел от меня строгий взгляд и, как школьник-двоечник в дневник, скосил глаза в историю болезни. Потом снова поднял, а глаза – голубые, голубые, светлые, как небо в летний полдень. Даже сердце екнуло и под ложечкой засосало, как тридцать лет назад, уж на что я не влюбчивая тогда была, а теперь уж подавно... И то

– Вы, Лидия Борисовна должны соблюдать режим! У вас много не очень хорошего в здоровье. Оно все поправимо, но только если вы будете работать вместе с нами. А ваша работа – это дисциплина и строгость к себе!

Армен Яковлевич (я помнила его имя, хотя лишь мельком глянула на табличку на дверях, даже не зафиксировала, а тут – всплыло...) старался смотреть очень серьезно, но я уже ви-

дела искристые смешинки в его небесных глазах. Неужели, он армянин? Или грузин? С такой нежной бирюзой во взгляде?

– Хорошо, Армен Яковлевич. Я сделаю все, как вы скажете.

– Лида (я по-простому, не обижайтесь). Смотрите, у вас опухоль, к счастью, не возвращается. Но, вы же поймете, организм очень ослаблен – операции такого объема даром не проходят. Кровушка слабенькая, сердечко шалит. Мы вот вам ритм не восстановили, побоялись грубо лезть. Чуть окрепнете, возьмемся. Да еще тут диабет ваш, тоже добра не делает. Я вас не пугаю, но правду сказать обязан – риск тромбоза у вас с такими штучками – очень высок. Очень.

– Армен Яковлевич, вот вы меня напугаете, жить расхочется.

Я поймала себя на мысли, что кокетничаю. Сто лет уж, как забыла это, а тут, ногу на ногу закинула (благо ноги сохранила, как в молодости), джемпер на груди натянула – дура душой. А он и не смотрит – вернее смотрит, но на лицо. Куда-то на переносицу.

– Жить вам надо. В вашем возрасте и с вашей красотой – только жить. И вы будете! Если будете умной девочкой.

Тут усмехнулась я – девочкой меня не называли лет тридцать точно. А он продолжал

– Главное, нельзя инфицироваться. Ничем! В смысле, серьезным. Сейчас время такое нехорошее, вирус этот ходит

странный. Вы, Лидочка, вызывайте мужа, пусть он вас домой отвезет, и посидите дома недельки две. Все равно сейчас все дома, мода такая – самоизоляция. А вам – так просто на руку. Посидите, чаек попейте с травками (я там написал), шарфики повяжите, романчики почитайте. В аптеку ни-ни, в магазин – мужа, телевизор не смотреть. Держите.

Он протянул мне выписку, и чуть придержав мою руку, слегка ее пожал. Потом встал, одернул халат на полном теле и смешно раскланялся, как артист после выступления.

... Мужу я, конечно, не позвонила. И так мы, как кошка с собакой, вон, ни разу в больницу носа не показал, а уж если попросить его машинку его дорогую из-за меня лишний раз по городу прокатить – вообще озверевает. Да мне еще и в аптеку надо, сердечных понаписали целый столбик убористым почерком, и продуктов у него наверняка нет. Доберусь.

В трамвае было странно пусто. Нет, в больнице мы, конечно, читали об этой инфекции, но там, в кардиологии, с мониторами да под капельницами, вся эта лабуда воспринималась несерьезно – насморк, да народ истерит. Болезни у них настоящей не было. Идиоты. А тут и правда – самый час пик, а народу единицы. Продремав до своей остановки, я выскочила под вдруг начавшийся холодный дождь и, в момент, продрогла. Тоненький плащик (легла -то я в начале сентября, а сейчас уж октябрь) не спасал от порывов ледяного ветра, и в аптеку я влетела совсем замерзшая.

Народу было мало, только передо мной паренек в маске

покупал презервативы. Я разглядывала вместе с ним глянцево-упаковки, и думала – "Надо же... Не стесняется... А мы тогда с мужем, в первый-то раз, чуть со стыда не сгорели". Я помнила... Хорошие воспоминания, аж сейчас щеки вспыхнули. Любил он меня тогда..."

Паренек сгреб свои упаковочки, шмыгнув носом, закашлялся и сдернул маску. Хихикнул, глядя, как я рот разинула, снова закашлялся и сообщил

– Дышать в той маске нечем. Не могу прямо. Придумали, дебилы.

И, крутнувшись на одной ноге, выскочил из аптеки.

Я, набрав целый пакетище лекарств, побрела к дому. В магазин заходить уж сил не было, да и маску не купила – нету.

В нашей хрущобе, на пятом этаже жуткая вонь – маразматический дед из тридцатой держит семь кошек, из дома не выходит, соответственно все дерьмо и загаженный песок – там, внутри. Раньше хоть я, пару раз в неделю выносила, а теперь – месяц прошел. Могу себе представить, что там... Ладно, завтра навещу.

Муж открыл сразу, как только я попыталась сунуть ключ, вроде он стоял за дверью. Весь при параде, в костюмчике и бритый-надушенный, прямо жених.

– Ты Лидк, вот че. На меня не дыши, говорят, кто в больницах лежал – все заразные. Вот те ключ от моей квартиры (а у него своя однушка в соседнем доме, материна. Мать

умерла, так он ее на старость держал, сдавать собирался – все прибавка к пенсии), вот две сумки я собрал, там все твое. Поживешь на карантине две недели.

– Ты с ума сошел! Вообще, что ли? У нас кардиология! Какая зараза!

– Вот не знаю, а по телевизору сказали. Ты, Лидок, не перечь, а то я щас по телефону-то позвоню, доложу куда следует, что у тебя сеструха из Италии приезжала, да тебя навещала. Гляди. Не обостряй.

Мари и вправду приезжала, но в больницу ко мне и не думала заходить... А теперь, поди, докажи... Взяла я сумку и ключи и поплелась на соседнюю улицу. Может, оно так и лучше...

Глава 2. Магазин

Три дня после больницы пролетели незаметно – квартиру шкрябала, все углы повыгребала – пыли, грязи столько, как век никто не мыл. На занавесках, век не стиранных – паутина, на плинтусах потолочных – вообще жуть жутковатая, мухи там, что ли ползали, не знаю. Прямо дорожки черные, щеткой терла с пемолоксом, еле взялось. Столько времени угробила, зато любо-дорого глянуть – чистота, светлота, на столик кухонный скатерку постелила, у мужа в комод нашла, вазочку – в вазочку пару веточек с березки. И пусть – без листьев, все равно – красота. Сижу, чай заварила, благо у мужика моего чаю везде, как у дурня блох, сушки на полке застарелые нашла, грызу, думаю.

Вот ведь влипла. Все тебе тут вместе – и болезнь, и инфекция та дурацкая, кто придумал только, и муж вон, сбрендил совсем. Или завел кого? Не удивлюсь, жена месяц в больнице провела, извелся, поди, без бабы-то... Не... Я его не сужу, мужик он мужик и есть. Покрутится – одумается. А я тут пока- плохо ли. Квартирка – игрушка, денег хватит, на карте и зарплата и больничный вон капнет – что еще надо. Отдохну, в магазин схожу, продуктов накуплю – заживу. Пирог, в кое-веки, время есть испечь, Клавке звякну, с винишком посидим, кина старые покручу – у мужа целая тумбочка кассет и видак столетний. Это мечтать только. Во, напугали, инфек-

цией своей. Почаще бы.

Чай допила, сумку проверила – деньги, паспорт, все на месте. Мужик-то мой, хоть и сволочь, а курточку теплую упаковал, свитерочки бросил, даже колготки теплые. Надо же... Неужто сам догадался? Или помог кто? Колготки-то новые, хорошие, дорогие, у меня таких в жизни не было. Да и по размеру... Точно, помог.

Плюнула я на мысли свои, колготки напялила, юбку любимую, шерстяную, в клетку, свитер мохеровый, шарф намотала поверх куртки. И вдруг бабахнуло меня – маска! Маски – то у меня нет. В аптеке ее днем с огнем не найдешь, государство о гражданах так побеспокоилось, а в магазин не пустят.

Пришлось раздеться, сесть и полчаса ковырять иголкой старую простыню. Благо нашла тканюшку подходящую. Резинки от старых трусов пришила, даже гламурненько вышло. Сойдет...

Пока до магазина дошла – стемнело уже. Ветер дул, как бешеный, дождь лепил со снегом, куртка промокла, шарф стал тяжелым, как свинец, понес черт меня пешком, все торопыга – автобуса ждать ей невмочь. Вот и на тебе. Только ноги во всем теле и не замерзли – сапоги новые, успела до больницы, купила.

В магазине, несмотря на режим, народу было до фига. Все, как идиоты стояли друг от друга за метр, зато у касс – толкотня, кассир, как всегда, один. А духота – жуткая. Какой дурак топит так, не знаю – вся вспотела, слабость еще боль-

ничная не прошла, дышать нечем. Маску вниз сбילה – еще минута – задохнусь. Наконец, весь этот кошмар закончился, на улицу вышла – там ураган. Деревья качаются, к земле льнут, черные листья по асфальту несутся – армагеддон. И народ, как сатаны – все в намордниках, ползут, согнувшись, короче – последний день Помпеи.

Я до остановки кой-как дошла, продуло меня до последней косточки, стою, скорчилась – автобуса не видать. Ну, думаю – сердце меня не прикончило, так теперь от простуды загнусь. Тьху, тьху, тьху...

Минут двадцать стояла – нет автобуса. Ветер стих, снег пошел – крупный, нежный, легкий. В момент улица белой стала, деревья, в хлопьях – как в сказке. Сижу на лавке, и дремота меня пробирает, прямо закрыла бы глаза и спать

– Лидия. Забыл ваше отчество. Вы что здесь расселись? Забыли, что я вам говорил...

Вот те на! Глаза открыла – перед остановкой машина стоит. Да красивая – длинная, как крокодил, низкая. Перламутром в свете фонарей сияет, снег на нее не ложится, тает...

Давайте-ка в машину. Вам куда?

Господи, Сила твоя! Армен Яковлевич! Точно, Ангел, не зря тетки в больнице его так называли. Ржали. А ведь и вправду,

Я с трудом встала, онемело уж все от холода, дотащилась до машины, волоком таща сумку. Доктор выскочил, помочь – то, да ладно. Мы уж сами. Привыкли.

Села я, адрес назвала ему. Он хмыкнул.

– Лида. Это судьба, Мы с вами в одном доме живем. Вы в каком подъезде?

– В третьем.

– И я. А этаж какой?

– Пятый.

Рядом!

Когда, наконец, я ввалилась в квартиру, благо Армен сумки дотащил, сил у меня хватило только скинуть куртку, сапоги и шарф. И, как была, прямо в свитере и юбке, завалилась на кровать и провалилась в сон – какой-то тяжелый, черный, страшный.

Глава 3. Жар

Проснулась я – было как-то особенно темно, прямо глаз выколи. В жизни не видела ночью такой темноты, все равно, хоть что-то светится – ответ фонарей в окно, лампочка какая-то, огонек смартфона. А тут ничего. Мрак. Как будто мне намотали на голову черный бархат двумя-тремя слоями, и он зажал мне веки, не давая открыть глаза. Эта дрянь еще пережала дыхалку, и душный воздух не попадал в мои легкие, клубился где-то рядом, вызывая головокружение. Я попыталась содрать эти черные витки с лица, но руки не поднимались, они были свинцовыми и только слегка крючились пальцы, превращаясь в бесполезные когти. Как у попавшей в стальную сетку птицы. Попытка заорать тоже ни к чему не привела, я только напрягала горло, но звука не получалось. Никакого, даже сипа. Просто пустая напруга, так пытаются надуть бракованный воздушный шарик – ы...ы... и ничего.

Страх это пустое слово. Оно ничего не выражает. То что я чувствовала – наверное поймет только тот, на кого медленно опускают бетонную плиту, и она уже касается грудной клетки. Я дико пучила глаза, скребла когтями, которые, казалось, росли, впиваясь в матрас, напрягалась изо всех сил и...задышалась. Осталось явно немного – доля секунды и смерть станет облегчением – как вдруг острый желто-зеленый огонек разрезал темноту.

Я потрясла головой, сбрасывая воображаемый бархат и окончательно проснулась. В окно бил свет фонаря, того, что напротив "Магнита", я вчера не задернула шторы. Несмотря, что на мне было напялено все, в чем я ходила вчера в магазин, меня бил озноб, жуткий, потрясающий и беспощадный. Скребло в горле, болел затылок, но все это полная ерунда, главное озноб. С трудом встав, я, качаясь добралась до стенового шкафа и начала выбрасывать из него все на пол в поисках одеяла или чего-нибудь теплого- аккуратно поискать у меня не хватало сил и очень тряслись руки, но ничего не было. У этого дурака, моего мужа была идея-фикс – он закалялся, потому что, какой -то идиот ему сказал, что холод бережет молодость. Мы и дома спали в разных комнатах – я, мерзлячка, под теплым ватным одеялом, а то еще и с обогревателем, он – с открытым в любую погоду окном и под тонкой простыней. Так и здесь. Ни одеяла, ни покрывала, одни ровные стопки одинакового белоснежного льняного белья. Сволочь.

Тихо скуля, как побитая собака, трясясь от холода, я надела куртку и шапку и вползла под матрас. Свернулась комочком и снова провалилась в черное, одуряющее пространство, узкое, как чердачный лаз.

Когда я снова открыла глаза, то мне показалось, что кто-то сунул в мою нору горящий факел. Или превратил в этот факел меня. Горела кожа, глаза, волосы, но, самое страшное – все полыхало внутри. Так плохо мне не было даже после

операции, а тогда мало не казалось. Кое-как выбравшись из-под матраса, я попыталась сесть и свесить ноги. В принципе, получилось. Посидев и набравшись сил, я встала и, держась за стенку, доплелась до кухни, нажала кнопку чайника и опустилась на табуретку.

"Сколько, интересно. Тридцать восемь? Тридцать девять? Сорок? Явно не тридцать восемь, при такой температуре я вполне себе ходила на работу и даже работала. А тут – просто шквал внутреннего огня. И болит что-то в грудной клетке. Что там может болеть? Может, это фантомные боли? Или отрезанная грудь не болит?"

Плеснув кипятку, и глотая его, сдерживая слезы, я думала – что делать? Вот что делать мне сейчас? Звонить в больницу? В нынешней ситуации это подобно самоубийству, не угробят там, так предадут анафеме соседи. Всех возьмут...как это...контактеров...Звонить мужу? Интересно, что он скажет? Но ведь кому-то придется звонить...

Посидев на кухне, не знаю сколько, то ли в бреду, то ли в полусне, я с трудом разлепила воспаленные глаза. На руке, на которой только что лежала моя воспаленная голова, надувался здоровенный пузырь. Он становился все круглее и пухлее и, как в фильмах ужасов, постепенно наливался розовой гадостью. А рядом кожа, как будто шевелилась, дыбилась, поднималась рябью. И зрел еще один, такой же жуткий...

Глава 4. Леша

Пузыри облепили мои руки за час полностью. Боль была адская, всю кожу пекло, как в аду, пузыри лопались, оставляя мокнувшее пятно, и тут же появлялись новые. Я лежала на диване, том самом, который когда-то купила сама, но мужу он не понравился наотрез. Я тогда думала он его выбросил, оказалось нет. Упёр в свою квартиру, по-паучьи, спрятал, присвоил, и теперь на нем, наверное, справляют свои дела постояльцы. У меня эта мысль, почему-то, вызвала дикую злобу, я легла на диван поплотнее, слилась с ним, растворилась в обивке, облегчая об её прохладный коззам жар и зуд измученной кожи. Лежать было неудобно, но я все равно задремала. Вернее, просто провалилась в жаркую, гудящую темноту.

Проснулась – в комнате уже темнело. Руки странно не болели, раскалывалась голова и страшно хотелось есть. ТАК есть мне не хотелось никогда, от голода стучали зубы и внутри все тряслось. Одним прыжком долетев до кухни, я рванула холодильник. Но там, кроме банки кукурузы, засохшей горбушки хлеба и скрюченного куска сыра больше ничего не было. Когда я успела сожрать все, что притащила, я не помнила. Вообще. Да разве можно было все это сожрать?

Заглотив эти нищенские остатки все за секунду, я почти не почувствовала насыщения. А вот руки на глазах зажи-

вали, кожа стягивалась и покрывалась рубцами. Стало чуть легче. Если бы не голод...

... Всегда раздражала любовь мужа к старым вещам. Вот и телефон у него в квартире – тот, из прошлых лет. Ещё с диском, тот, что при наборе крутят. Пальцем.

Пальцы у меня превратились в сплошной болючий рубец, сунуть их в узкую дырку диска было смерти подобно. Поэтому я, найдя в сумке шариковую ручку, долго и неумело крутила диск, набирая номер своей квартиры. Вернее, похоже, бывшей своей...

Муж взял трубку сразу, как будто сидел рядом и смотрел на аппарат

–Алёша. Привет, Алёша. Это я...

Я сама испугалась своего голоса – он был чужим. Не тот, которым я так любила играть раньше, крепкий, яркий, сильный с полутонами и оттенками, голос, наверное, самое красивое, что я имела. Теперь мой организм исторг что-то скрипучее, дребезжащее, псивое.

– Кто это? Вы куда звоните? Наверное, ошиблись номером.

Голос мужа, наоборот, совсем не изменился, тонкий, неприятный, резкий. Я всегда удивлялась, как у такого импозантного бугая может быть такой голос. Он умудрялся одним кхеком сбить с меня настрой на секс, даже когда я была особо заведена. Вот природа....

Но сейчас я была очень рада его услышать, свою един-

стенную ниточку, мостик из смерти в жизнь.

– Это я... Лёша, это Лида...

– Лида? Я тебя не узнал. Что это с тобой?

– Лешенька, сейчас уже все хорошо. Но я заболела немного. Немного. Совсем. Я уже хорошо себя чувствую. Только вот – руки...

– Руки? Ты что, Лид? Совсем с дуба? Или у тебя и мозги уже в волдырях? Ты что, телевизор не смотришь? Сказали же, больные руки, это первый признак. Тебе надо вызвать бригаду.

– Лёша, а Лёш. Я здесь посижусь, никто не узнает. Там пять дней, потом уже лучшает. Ещё пять дней. Всего. Ты только не вызывай.

– Ага!!!! А квартиру кто будет потом дезинфицировать? Ты? Они обработку только после официального вызова делают и после подтвержденного диагноза. Сейчас прямо и позвоню...

– Лёша. Я прошу. Они же меня на остров угонят. Я там умру!

– А так умру я. Короче, сиди там, я сейчас одно дело сделаю и вызову. Чтоб я там присутствовал. Сиди. Не рыпайся!

В трубке загомонили короткие гудки, я села прямо на пол у тумбы и вытянула ноги. Они были напряжённые и почти бесполезными. Как палки...

Глава 5. Калембаса

С трудом, цепляясь руками за все, что только могло меня поддержать, я протащила свое тяжелое тело до дивана. Кое-как легла, натянула тоненькое покрывало до самых ушей и бессильно закрыла глаза. Странное ощущение пустоты в теле не особо пугало – я это ощущение знала, так я чувствовала себя после операции, в первый день. Руки тоже почти не беспокоили, чудесное их исцеление даже не удивляло меня, я просто это отметила про себя, как бы со стороны. А вот ноги... Ноги казались безвольными столбами. Я пыталась ими ворочать, но это было все равно, что ворочать бревнами, привязанными к бедрам.

Мне стало страшно! Так страшно, как не было даже тогда, когда я узнала о раке. Тогда я, наоборот, как -то сразу приобрела состояние бойца, типа бросила вызов болезни – а ну, попробуй. Именно это ощущение и спасло меня. Именно так сказала одна юная дежурная докторица – "Скажи спасибо своему характеру, только он тебя вытащил" . А вот сейчас – предал. Бросил, поджал хвост, спрятался под диван, оставив свою владелицу лежать пластом, как раздавленная лягушка.

Я снова задремала и проснулась от новой волны потрясающего озноба. Теперь у меня даже не было возможности залезть под матрас, ноги полностью отказали. Я лежала и тряслась, то теряя сознание, то выныривая из омута своей дур-

ноты, качалась на волнах душевных и черных. И мне было уже все равно...

Шебуршание ключа в замочной скважине почти не удивило меня. Не испугало, не обрадовало, ни привнесло никаких чувств в мою совершенно одуревшую голову. Я разлепила тяжелые веки и тупо смотрела на людей, которые вошли. Страшные фигуры то ли в скафандрах, то ли еще в чем-то непонятном были похожи на водолазов. Они и двигались так же – медленно, как будто преодолевали тугой поток воды. Один, здоровый, как слон, подошел совсем близко и в стекле шлема были видны зрачки – черные, острые, похожие на дула. Глаза были холодны, как лед, совершенно равнодушны и пусты. Ткнув каким-то датчиком мне в шею, он мотнул головой остальным. Меня перевалили, как бревно на носилки, упаковали в пластиковый кокон, странно, что несмотря на это состояние, мои мозги соображали быстро и четко, наверное, это сделал испуг. И, когда меня протаскивали в узкий проем входной двери, я вдруг увидела Лешу. Муж стоял, прижавшись к стене и смотрел на меня брезгливо, раздраженно и с отвращением.

Загрузили меня в грузовик. Я это помню точно. Это, наверное, было мое последнее воспоминание в "миру". Если мою прошлую жизнь можно так назвать. Только грузовик был не совсем обычным, черный, матово-полупрозрачный кусок единый, цельный, как цистерна для молока из моего детства переходил сразу в кабину. В целом это было похоже

на тыкву, знаете, такую, вытянутую, как калеваса. Только ее, кто-то жуткий явно долго прокаливал в печи.

...Перед тем, как провалиться в долгое и черное забытье я снова увидела перед собой черные дула. И острый укол в предплечье показался освобождением...

Глава 6. Госпиталь

Я открыла глаза с трудом. Мне бы их вообще не открывать, такой боли и рези в веках я не испытывала никогда. Что-то горячее потекло по щекам, и, через красную пелену я увидела серый, низкий потолок – гладкий, блестящий. "Это пластик или стекло?", – метнулась в моей чумной голове ненужная мысль и потухла, подобно огоньку свечки на ветру. Красная пелена снова закрыла обзор, я поморгала и попыталась приподнять руку. Странно, но рука поднялась. Медленно, почти по миллиметру я притянула кисть к лицу и дотронулась до щеки. Теплая вязкая жидкость оказалась кровью, во всяком случае на пальцах моих краснело что-то похожее на свекольный кисель.

"Ни хрена ж себе. Это что? Из глаз кровь что ли течет? Или откуда?" – мысли метались, как испуганные зайцы, пережимало горло каким-то странным спазмом, да так, что трудно было вздохнуть. Попытавшись перевернуться, я застонала в голос, потому что дикая боль пронзила меня насквозь – от позвоночника вниз и вверх до челюсти и пяток.

– Женщина. Вертеться не надо. Тем более, что вы фиксированы. Руки и ноги свободны, можете менять положение. Хотя, в принципе, ноги вам и не надо было освобождать, воспользоваться ими вы сможете не скоро.

Я скосила глаза на голос, попыталась повернуть голову.

Знаете, как поворачивается заржавевшая ручка на дверях. Такая, которую надо потянуть за рычаг по часовой стрелке, раньше такие были. Вот так и повернулась моя голова, просто явно со ржавым скрипом. Прямо передо мной стоял человек в синем костюме из незнакомого блестящего материала. Похожего на полиэтилен, только толстый. Он весь хрустел при каждом движении, переливался и сиял. На голове у него было что-то похожее на противогаз, только с коротким хоботком, как у тапира. Руки -ласты в темно-синих перчатках из толстой резины слегка шевелились (он тыкал ими в экран планшета, не знаю, как ему это удавалось).

– Ваш номер ЛР33254. Первая часть – буквы имени и фамилии, вторая – порядковый номер прибытия в наш госпиталь. Запомните его, впрочем, он у вас будет служить маркировкой. Всего. Посуды, белья, одежды, личных вещей. Стереть его пробовать не стоит. Потому что он введен в ваш чип – чип находится в области шеи.

Я попыталась нащупать этот пресловутый чип, тыкая неловкими пальцами в шею, но Тапир (классное имя, теперь буду называть его так) подошел, отвел мою руку и больно ткнул меня куда-то в область уха, чуть ниже.

– Здесь! Искать не надо, он не ощущается. Ввели его инъекционно, он имеет микроскопические размеры. Это ваш пропуск везде – и в столовую, и в лечебные кабинеты – везде. Он вам очень понадобится, когда вы сможете ходить. Если, конечно, сможете. А сейчас – спать! Это ваш единственный

выход, иначе сойдете с ума. Тело ваше будет меняться очень быстро – такая инфекция. Лучше этого не видеть.

Он что-то сделал с моими ногами, от его там, внизу заломило. Но места, где появилась боль, я бы не смогла определить – голень, бедро, ступня? Не знаю. И черт с ним.

Шли часы, но уснуть я не могла. Лежала тупой колодой и пыталась шевелить ногами. Безуспешно. Зато вот руки... На месте шрамов от волдырей, там, где отпадала корка блестела новая кожа, но она была черного цвета. Теперь у меня были полосатые руки. Бледно-желтая кожа с черными полосками. Интересно, что дальше? И где это я?

Легкий, как будто шевелящийся свет забрезжил под толком и вызвал в моих измученных глазах всплеск рези. Я закрыла их руками, чувствуя, как между пальцами снова начала сочиться кровь. И, поэтому не заметила, что кто-то вошел. Поняла это только тогда, когда они (а их было двое), закинули меня, как мешок на каталку и повезли.

В красном тумане я видела, как мелькают одинаковые двери в длинном сером коридоре. Наконец, коридор кончился, ярко вспыхнул свет, заставив меня зажмуриться и тело обдало ледяным холодом. Судя по высокому, светлому, прозрачному потолку меня ввели в огромный зал... Операционная? Или уже морг? Что это? Огромная тень закрыла слепящие лампы, снова укол и снова провал. И только на краю сознания поняла, что с меня сдернули покрывало и я, совершенно голая, начала подниматься куда-то, чуть ли не к потолку.

Глава 7. Контейнер

Острые пики огня вспыхивали в моем сознании с определенной, явно заданной кем-то периодичностью, но они не причиняли мне никаких страданий. Просто мозг фиксировал – раз, пик, два, пик, три, пик. Потом спад, плато и опять – раз, пик, два, пик... Параллельно с этими вспышками по телу пробежала судорога, но она тоже болезненной не была, наоборот – что-то сродни сексуальному наслаждению накачивало и отпускало.

Сквозь полуприкрытые веки я видела прозрачный потолок, через который просвечивало небо (точно, небо, нежная голубизна и несущиеся тени облаков различались явно), видела силуэты каких-то людей. Можно было бы подумать, что это ангелы, но специфичные маски-тапиры сходились убивали. Потом я увидела диск, он медленно двигался надо мной, то снижаясь, то опускаясь, наконец, он остановился ровно над моим лицом, странно запульсировал, сжимаясь, и уменьшился в размерах, превращаясь в подобие лупы, той, с помощью которой мой муж читал мелкий текст. Только у этой лупы было странная, резко вдавленная середина, как будто ее торкнули чем-то ровным, очень раскаленным и аккуратно расплавили материал. Больше я ничего не видела, глаза не раскрывались шире, чем им было позволено, слезились и болели. Впрочем, полностью закрыть я их тоже не могла, так

и лежала, как замороженная рыба.

Наконец, лупа остановила свою пульсацию и навела прицел. По-другому это назвать трудно. во всяком случае я это почувствовала именно так. Сквозь туман в слезящихся глазах, я увидела, что на уровне предплечья, где-то в районе сгиба локтя из разреза в коже выходит трубка – толстая, похоже силиконовая, тянется через грудь и прячется снова, в области плеча, с другой стороны. Наполненная чем-то черным, она подрагивала, как будто живая, и, прикасаясь к коже, обжигала. Один из тапиров подтолкнул под трубку пластину, защищая мою грудь, поправил лупу-прицел, и исчез из поля зрения.

Стеклянный потолок надо мной вдруг треснул, разделившись на две ровные половины, и солнечные лучи, невзвешенно откуда взявшиеся, сконцентрировавшись в овальной стекляшке ринулись вниз, точно попав на черную трубку, в которой пульсировала моя кровь. Жуткая судорога скрутила меня в узел и мир снова померк.

...

-Ну... ты сильна. Другие месяц в отключке, ты, глянь. три дня и очухалась. Молодец. На, пей.

Если бы кто сказал мне раньше, что глаза открывать может так не хотеться, я бы не поверила. А правда – ну ее эту жизнь. Там, в безвременье и темноте чудесно, спокойно, легко, прекрасно. Но обладательница резкого неприятного го-

лоса не оставляла меня в покое, тыркала чем-то холодным в губы, и я разлепила глаза. Все вокруг было нежно-розовым – стены, потолок, легкие занавески на огромном окне, столик и даже тоненькая вазочка с одинокой розой, у которой почему-то оторвали листья. Только одинокий и тоже розовый цветок торчал из узенького горлышка и отбрасывал розовую тень на розовую чашку с таким же блюдцем.

Надо мной нависла пышногрудая дама в розовом комбинезоне и маске, закрывающей все лицо, только очки мерцали таким же отвратительным цветом. Она толкала мне в рот узкий носик поильника и что-то пыхтела еле слышно. Потом поставила его на стол и резко прокричала, как галка.

– Сможешь встать – встань. Ты прошла курс успешно, вирус в твоей крови уничтожен. Наша методика сработала, и тебе повезло. Ты такая – одна из нескольких сотен. Благодаря Богу.

Я пошевелила руками и ногами. Они поддавались! Чувство совершенно бешеной, ненормальной радости накатило на меня, как волны на берег в шторм, и я аж захлебнулась. Но розовая туша предупреждающе подняла руку.

– Не кипятись, особо не спеши. Лежи побольше, кормить тебя пока будут сестры, отправления в катетер и приемник. Так еще дней десять. Потом все нормализуется. И главное. Там, у тебя на боку – контейнер. Это сборник. В него фильтруется определенные фракции твоей крови. Они необходимы для того, чтобы победить в мире эту дрянь. Ты избран-

ная, вас таких всего несколько десятков.

Она помолчала, стоя у розовой двери.

– Из многих тысяч. Теперь, из миллионов. вернее. Остальные покойники. И да, единственный цвет, который ты сможешь воспринимать еще много месяцев – розовый. Другие выжгут тебе глаза. Так что сиди тихо. Не рвись. Розовый цвет – это твой поводок.

Когда она ушла, плотно закрыв двери, я снова зажмурила глаза, почти не чувствуя. как горячий водопад из-под век струится по щекам, смачивая мерзкую, розовую подушку.

Глава 8. Элита

Все эти десять дней я чувствовала себя овощем. Даже не овощем – предметом общего пользования. Кто-то приходил, уходил, врачи, сестры, еще какие-то люди, смотрели, щупали, меняли приемники и памперсы, мыли, протирали, сливали содержимое контейнера. У меня было ровное и равнодушно-тупое состояние, обуюла сонливость, и я все время спала. Лишь изредка, просыпаясь, с удивлением рассматривала розовые стены и в моем мозгу брезжило что-то смурное и тоскливое – я вспоминала. Самым неприятным моим воспоминанием был муж. Алексей в моем полубреду представлялся мне огромным, старым медведем. Он, весь клочкастый, весь в проплешинах, сидел на задних лапах, выставив вперед передние, почти голые с толстыми, крючковатыми желтыми когтями и крутил круглой башкой.

«Что», – сипел он и придвигал ко мне поближе вонючую пасть с черными, редкими клыками – "Берлогу мою хочешь отнять? Заразить меня хочешь, прокаженная? Хрен ты угадала. Ты сидела на моем стуле и сломала его? Давай сюда свое сердце"

Леша придвигал свое рыло прямо к моей груди, раскрывал пасть и пытался разгрызть кожу. Я дергалась, всхлипывала и приходила в себя. Смотрела в розовый потолок и снова проваливалась в тяжелую, вонючую тину сна.

В этот день мой сон был немного легче. Так бывает, когда после морозной, беспросветной зимы и гнилой, мокрой весны, вдруг, в первый солнечный день ты понимаешь, что жизнь продолжается и сдергиваешь плотные, пыльные занавеси. Потом моешь окно до прозрачных, скрипящих стекольных бликов и вешаешь другие – легкие, кисейные, прозрачные.

Я открыла глаза и поняла – мне хочется встать. Причем, не просто хочется, я встать могу. Через плотные розовые жалюзи слегка просвечивало солнце, вот только непонятно было – то ли рассвет, то ли закат... Я села на кровати, потом, держась за предусмотрительно повернутую ручку на стене, неуверенно встала. В это же мгновение распахнулась дверь и в проеме возникла мощная грудастая фигура медсестры.

– Тааак! Ну вот мы и встали. Наконец-то. Заждались.

Она подкатилась ко мне, мягкими, белыми батонами толстых рук бережно охватила мою талию (я прямо почувствовала, какой тонкой, как высушенная хворостина она стала) и почти понесла к столику. Сбросив мое тело на мягкое кресло, чуть постояла, отдышавшись, и присела рядом на высокую табуретку.

– Будем завтракать. Самостоятельно. Учиться.

Она сдернула нежно-розовую, почему-то вышитую крестиком салфетку. Под ней на фарфоровой тарелочке лежала странная еда. Розовым было все – гренки, масло, икра, джем, жидкость, похожая на жирное молоко или сливки, чай,

испускающий аппетитный парок, и тот был этого странного цвета. На мой вопросительный взгляд медсестра хмыкнула и смущенно пробурчала

–Краситель. Этот дурацкий цвет твой замок, я ж говорила. Они его поставили, чтобы ты не сбежала. Завтра уберут, правда придется пройти гемодиализ. Тебе это больше не нужно. Ты теперь избранная. Высшая каста. Не всем так везет...

Я ничего не поняла, но голод вдруг так скрутил мои внутренности, что я, плюнув на экивоки, впилась зубами в гренку, которую медсестра предусмотрительно намазала идиотски розовой икрой. И потом, чувствуя, как меня внутри отпускает, ослабив тиски, привычный стальной зажим, не спеша пила чай с джемом, кисленьким и довольно приятным.

К вечеру меня перевели в другую палату. Это даже трудно было назвать палатой – в огромном больничном дворе, в глубине был небольшой сосновый лес. В этом лесу, на отдалении друг от друга, прятались в зарослях душистых трав крошечные особнячки. Они напоминали сказочные избушки, и все были обитаемы. В одну из таких избушек и поселили меня, правда после пройденной процедуры гемодиализа, я опять лишилась сил, но, сидя в кресле-качалке у огромного, открытого настежь окна, я была счастлива. Ароматы раннего лета будоражили, цвета радовали излеченный от розомании взгляд, мысли были спокойными и светлыми.

Почувствовав, наконец, что силы возвращаются, я перета-

щила качалку на открытую веранду, уселась, налила себе сока (разнообразие бутылок в холодильнике даже не укладывалось в голове) и, глядя на темнеющее небо над верхушками сосен, пыталась уложить в своем сознании ту информацию, которую набурчал мне тоскливый доктор перед процедурой.

– Вас осталось всего ничего. Теперь к вашим ногам падет этот больной мир. Теперь вы сами будете решать. кого тащить с того света. Контейнер на вашем теле будет производить для вас миллионы...нет... миллиарды в любой валюте мира. Отныне – вы королева. Истинная. Но...я вам не завидую....

В принципе, я, конечно, понимала, что он имеет ввиду. Но, как с этим мне жить дальше представления не имела. Поэтому, промучившись с час, плюнула и, решив пустить всю эту лабуду на самотёк, закрыла глаза и задремала.

Глава 9. Прощание

– Послушайте, Лидия. Мне не хочется называть вас по номеру, хотя этот номер останется в вашем сознании навсегда, пока вы живы. Он не просто вживлен в ваш чип, он введен в вашу кровь. Исчезнет он только вместе с вами, мало того, он станет визитной карточкой каждого вашего донора – ну, скажем, с небольшой модификацией. Но для меня, вы все же Лидия, дама с потрясающей внешностью. Вам, кстати, никто не говорил, насколько вы стали красивы?

Директор клиники – крошечный человечек, с огромными ступнями, круглой массивной, лысой головой и кряжистыми, как ветки старого дуба лапами, висящими по бокам худого тельца, тяжело и неловко сидел прямо передо мной на высоком барном стуле и болтал ногами. Я его видела всего пару раз – в саду, когда он в сопровождении охраны брел к своему шикарному лимузину и в зале, когда нас собирали на предвыписную информацию. Тогда для нас, выживших, устроили шикарный банкет, и он пришел. Посидел минут десять, глотнул виски прямо из бутылки, бросил в широкий лягушачий рот устрицу, помахал всем своей лаптей и ушел. А теперь вот...вызвал.

Я молча стояла перед ним, вытянувшись, и думала: "А ведь и правда... В зеркале-то отражается теперь просто кра-

сота – я, помолодев лет на десять, заполучив откуда-то нежную, белую кожу, пышную шевелюру и стройную фигуру, стала прямо хоть куда. Вот что вирус -то делает. Хоть заражайся каждую пятилетку на всякий случай». Но вслух сказала

– Спасибо. Мне приятно, что вы помните мое имя.

Гном хмыкнул, поёжился, явно унимая чесотку где-то между лопатками, побряхтел, сполз со стула и подошел ко мне вплотную. Внимательно посмотрел мне в область паха, потом сунул мокрую ладонь под широкую блузку, туда, где у меня был прикреплен контейнер.

– Это! Твоя! Нынешняя жизнь! Она вся – там. Не здесь!

Он вытащил руку, второй задрал мне юбку и больно ткнул кулаком точно в пах. Заржал, дернул юбку вниз и снова вскарабкался на свой стул.

– Не здесь, как ты, наверняка скоро подумаешь, получив деньги. А в нем. Ты теперь дрессированная обезьяна. Но очень богатая. Прямо – Крез. Бабло польется рекой. А дойти ты будешь, корова, когда скажут.

Я молчала. Такого унижения я не помнила. Даже, когда муж выпер меня из дома, даже, когда меня тут членили, как хотели и я беспомощной мухой пласталась по кроватям – было не так... У меня аж зазвенело все в горле, заболело до тошноты, кровь мне бросилась в лицо, и я с трудом сдержалась, чтобы не швырнуть в эту харю тяжелую пепельницу, стоящую на тумбе.

Он понял, снова слез, и, подпрыгнув, схватил меня за волосы, с дикой силой пригнул, стукнув лбом о свое колено и, заставив стать на карачки, уселся верхом.

– Вот так! Вот так! А иначе – сдохнешь! Мне стоит только нажать одну клавишу и твое тулово расплавится, как воск в печке. Стечешь в ботинки, тварь. А ну! Пошла! Вези, корова.

Он с силой вонзил мне в бок что-то острое и я пошла. Медленно, глотая слёзы я поползла на четвереньках, с трудом стараясь не распластаться под свинцовым весом этой скотины.

– Ладно! Хватит! Думаю, мы друг друга поняли. Завтра ты уезжаешь отсюда в свой дом. Дом твой недалеко от Сочи, в горах. Бабло на счету.

Он слез с меня и даже помог встать, протянув шершавую ладонь, похожую на срез дерева. Я по-прежнему глотала слезы, давась от обиды и безысходности.

– Не нюнь. Там, за оградой клиники такое дерьмо, какого ты даже не представляешь. Мор, смерть и вонь. Страх и отчаянье. А ты – в шоколаде. Пока хорошая девочка.

Я, наконец, успокоилась и стояла дура-дурой, не зная куда девать руки. Потом поклонилась зачем-то и поплелась к дверям.

– И да! Лида. С тобой поедет Армен. Это твой охранник, сожитель, душеприказчик, короче – твое все. Познакомишься завтра. Иди.

Я выползла в коридор и тихонько прикрыла тяжелую

дверь.

Глава 10. Отъезд

Вещей было столько, что сумками забили весь салон крошечного микроавтобуса. У меня было такое чувство, что я смотрю кино, и в главной роли странная дама без возраста, с хорошо уложенной пышной причёской, в темном длинном изысканном плаще и легких туфельках. Я эту даму внимательно рассмотрела в зеркале перед выходом из своего больничного особнячка и поняла – она, это не я. Уж больно холёная, ухоженная, но бледная, тоскливая, незнакомая. Чужим было всё – одежда, гаджеты, косметика, аксессуары – всё. И то, что будет дальше тоже было чужим – невнятным, непонятным, страшным...

Я старалась не думать, но не думать не получалось, тем более что все то, что мне сказали на последнем инструктаже, не укладывалось в голове. Корова! Дойная! Именно это осознание себя не давало мне покоя.

–В любое время суток к тебе могут прийти. Ты проверишь свой счет на предмет поступления суммы (та сумма, которую мне озвучили за дозу отделяемого, хранящегося в моем контейнере, наверное, позволила бы купить небольшой самолет) и, если она поступила, передашь шифр открытия. Шифр будет возникать сам в твоей голове, он будет каждый раз разный. Опорожнив контейнер, клиент получит желаемое, а ты переведешь на наш счет девяносто процентов. Де-

сять – твои. Имея эти десять, ты станешь постепенно богатейшей женщиной страны. Если, конечно, не будешь дурить.

Это все однотонно долбил информатор – квадратный дядька, под два метра ростом с серой кожей топором вырубленной морды, вонючим дыханием из морщинистого рта, змеиными глазками из-под чешуйчатых век и взглядом – быстрым и острым, как укус. Поговаривали, что он по совместительству патологоанатом и могильщик, но это были так, лишь слухи.

–А будешь дурой... Короче, быть дурой не советую.

Погрузка моего скарба закончилась, а этого самого Армена все не было. Солнце уже садилось за высокие больничные ели, моё изнеможение от ожидания стало непереносимым, я дергалась, у меня даже всё чесалось жгло, как будто я упала в крапивные заросли, шофёр дремал, уронив голову на руль, а ничего не происходило.

Наконец, дверь главного здания приоткрылась, оттуда выкатилась дежурная врач – круглая, как шар, вечно по-дурацки веселая, и лоснящаяся, как блин. Она замахала короткими ручками и заверещала

–Езжайте. Езжайте. Армен задержится на пару дней, позвонил хозяин. Езжайте...

Шофёр встрепенулся, я вскочила в автобус, как будто меня дернули за веревочку, за нами закрылись госпитальные ворота, и мир снова открылся мне...

Правда, мир был странным... Пустые трассы, закрытые

магазины с пыльными стёклами, одинокие фигурки сторбленых людей в странных масках с черными хоботками и разноцветных перчатках, натянутых на резиновые нарукавники от кистей до плеча. Лишь кое-где среди темного мира горели огоньки – редкие заправки, далекие кварталы с темными домами, полупустые автобусы. Сухой, жаркий ветер клонил высокие кусты полыни вдоль дороги и часто попадались низкие, крытые машины, затянутые пятнистым брезентом.

–Вишь, труповозки. Как муравьи снуют, неделю назад в два раза меньше было. Мрут всё. Как мухи.

Шофёр бурчал на низких тонах, и гнал, как будто за ним гналась нечистая сила. Совсем стемнело и вдали показалась черная гряда гор.

Глава 11. Новый дом

Совершенно пустая дорога уперлась в крутой склон горы, дальше начинался серпантин. Мой адский водитель с рычанием внёсся на первый виток, с явным желанием не снижать скорость, но, видно пришлось. И мы с натужным гудением поползли вверх, преодолевая метр за метром. Может мне, конечно, казалось, что машина ползёт, а на самом деле скорость была нормальной, потому что уже минут через двадцать склон стал более пологим и мы покатали резвее. Совсем стемнело, не знаю как он ни разу не свалился с этой дурной горы, серпантин был ненормально узок, а со стороны обрыва не было даже ограждения. Шофёр, видно, прочитал мои мысли, глянул в зеркало, поймав мой взгляд и ехидно сообщил

–А ты выехать оттуда даже её мылься. Там будешь кататься, поселок немаленький. А здесь не проедешь, тут опыт нужен. Даже местные особо не мотаются без дела, а уж вы.

У меня было такое ощущение, что он рад, что меня запылили на вечное поселение в эти сраные горы. Иначе, чтобы он так поганно лыбился, в прищур.

–А если мне что понадобится? Мало ли. Или заболею? Что за хрень. Меня что, в ссылку отправили? Я ж вроде свободна.

– Да свободна, свободна. Никто вас там за хобот не дер-

жит. Там все свободны, а никто вниз не хочет. Сама увидишь. Да и гаджетов тебе надавали немеряно. Все по звонку закажешь или в сети. Все привезут, хоть птичьего молока.

Он отвёл глаза, поднял стекло, отделяющее водителя от салона и что – то зло бурчал. И по его губам я, в детстве дружившая с глухонемой девчонкой, поняла – "Ишь, зафыркала, фря. Коза дойная, а туда же",

А тем не менее, пока мы болтали, в окнах замелькали огни шикарного селения. Откуда в этих горах могло взяться такое чудо, непонятно, но, вырвавшись из объятий серпантина мы вальяжно покатали по широкой, отлично вымощенной булыжником улице, освещенном так, как будто кто-то собрался здесь читать. Со всех сторон мелькали вывески, здесь было все, и кафе, и рестораны, салоны красоты, магазины, открытые, увитые виноградом летние веранды, фонтаны, небольшие частные клиники. Я так вертела головой, что думала она у меня оторвется и не сразу заметила, что шофёр снова опустил стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.